

DOI: 10.31862/0130-3414-2021-6-9-23

Н.А. ДворяшинаСургутский государственный педагогический университет,
628417 г. Сургут, Российская Федерация

Русская няня и ее предназначение в православном воспитании детей

Аннотация. Статья посвящена осмыслению запечатленного в произведениях русской словесности образа няни в одном из его аспектов: ее роли в православном воспитании детей. Цель исследования – выявление путей и форм воздействия этих наставниц на духовно-нравственные основы жизни их подопечных. Методологически статья базируется на комплексном подходе, включающем использование биографического, историко-культурного, историко-литературного и феноменологического методов. Анализ имеющихся источников позволил прийти к следующим результатам: русская няня, как правило, была человеком православного вероисповедания; ее образ жизни, основанный на глубокой и искренней вере, способствовал воспитанию у детей истинных духовных ценностей; сама атмосфера отношений в детской формировалась под непосредственным воздействием нянюшки: иконы, лампадки, ее уверенность в защищенности детей Ангелом-хранителем – укрепляли веру питомцев в святое заступничество; искренность молитв наставницы, ее помощь детям в овладении Словом к Богу учили их сердечному обращению к Спасителю; душеспасительными уроками для них были и уместные, деликатные напоминания «мамушек» о заветах Господа; примерами праведной жизни становились для детей задушевные нянины рассказы о событиях из Священного Писания, о деяниях святых; заботились эти духовные водительницы о посещении воспитанниками церкви, поддерживая их в необходимости исповедания православного вероучения. Результаты исследования важны для постижения самого уникального явления няни, ставшей неотъемлемой частью образной системы русской литературы, и характера влияния этой народной силы на жизнь русских людей.

Ключевые слова: русская няня, дети, православное воспитание, вера, духовные ценности, педагогический опыт народа, образ лампадки в художественных произведениях

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Дворяшина Н.А. Русская няня и ее предназначение в православном воспитании детей // Литература в школе. 2021. № 6. С. 9–23. DOI: 10.31862/0130-3414-2021-6-9-23

DOI: 10.31862/0130-3414-2021-6-9-23

N.A. Dvoryashina**Surgut State Pedagogical University,
Surgut, 628417, Russian Federation**

A Russian nanny and her predestination in the Orthodox upbringing of children

Abstract. The article deals with the understanding of the image of the nanny, captured on the pages of the Russian literature works, in one of its aspects: her role in the Orthodox upbringing of children. The study aims to identify the ways and forms of these mentors' influence on the spiritual and moral foundations of the life of children under their care. Methodologically, the article is based on an integrated approach, which includes the use of biographical, historical-cultural, historical-literary and phenomenological methods. The analysis of available sources resulted in the following: as a rule the Russian nanny was a person of the Orthodox faith; her way of life based on her deep and sincere faith, contributed to developing true spiritual values in children; the very atmosphere of relations in the nursery was formed under the nanny's direct influence: icons, icon lamps, her confidence in the protection of children by the Guardian Angel – strengthened the faith of children in holy intercession; the sincerity of the mentor's prayers, her help to children in mastering the Word to God taught them a cordial appeal to the Savior; the Nanny's appropriate, delicate reminders about the testaments of the Lord turned the edifying lessons for them; Nanny's heart-felt stories about the events from the Holy Scriptures, about the acts of saints became examples of righteous life for children; these spiritual drivers took care of children's churchgoing, supporting them in the need to worship Orthodoxy. The results are important for understanding the unique phenomenon of the nanny, which has become an integral part of the figurative system of Russian literature, and the character of influence of this popular force on the lives of Russian people.

Key words: Russian nanny, children, Orthodox upbringing, faith, spiritual values, educational experience of the people, the image of an icon lamp in literary works

CITATION: Dvoryashina N.A. A Russian nanny and her predestination in the Orthodox upbringing of children. *Literature at School*. 2021. No. 6. Pp. 9–23. (In Rus.). DOI: 10.31862/0130-3414-2021-6-9-23

Еще в конце XIX в., в год столетнего юбилея А.С. Пушкина, писатель, публицист Е. Поселянин опубликовал в газете «Московские ведомости» очерк

«Русская няня». Весьма примечательно, что, будучи посвященным наставнице великого поэта, он вместе с тем отдавал дань общенациональному

явлению – русской няне вообще, о чем и свидетельствует его название. Второй раздел очерка автор открывал таким утверждением: *«Не одной только Арине Родионовне многим обязана Россия. Она обязана вообще пред русской няней»*¹ [18, с. 195]. Е. Поселянин, пожалуй, первым обозначил необходимость осмысления и научного исследования няни как феномена российской жизни. Справедливо обратив внимание на то, что отечественная словесность запечатлела «старозаветные типы» в целом ряде запомнившихся образов, он пришел к заключению: *«И образовался... обаятельный мир русской детской... В этом мире русские матери, русские дядьки и няни в длинные ночи вымаливали пред темными от времени семейными иконами, в сиянии лампы, счастье детей»*. Автор очерка увидел в русской няне *«живую народную силу», «долго спасающую детей высших русских слоев...»* [20, с. 199–200].

В своих предыдущих работах [5; 6] мы уже указывали на то, как в общественном сознании на протяжении десятилетий складывалась и крепла убежденность в важности изучения в жизни России явления няни, способствующего глубокому осмыслению историко-культурных национальных традиций и педагогического опыта народа. Стремление осознать природу и самобытность этого феномена привело к созданию первых исследований, в которых их авторы с разной степенью основательности попытались показать влияние наставниц – этих даровитых русских натур – на жизнь питомцев, на формирование их душевного мира. Напомним,

что заметный вклад в постижение воспитательной практики русских нянь, их образов внес выдающийся деятель отечественной культуры С.Н. Дурылин, собравший богатый фактический материал, на основе которого была подготовлена и издана книга *«Няня. Кто нянчил русских гениев»* [18]. Попытки осмысления феномена русской няни были предприняты и в отдельных литературоведческих и психолого-педагогических трудах ученых М.Д. Филина [2; 24], А.А. Кудряшовой [13], М.И. Мелия [16], В.Н. Тороповой [23]. И все же многие существенные аспекты этого феномена, представляющие духовно-нравственные традиции воспитания в нашем Отечестве, до сих пор остаются неизученными, в частности и тот из них, что обозначен в названии этой статьи.

Цель данного исследования – осмысление образа русской няни, запечатленного на страницах мемуарных и художественных произведений, в контексте традиций православного вероисповедания и выявления влияния этих «часовых у детских» на духовную организацию детей. Изучение этой проблемы до сих пор не предпринималось, поэтому можно говорить о новизне представленной работы. Она также позволяет увидеть образ няни как отражение русской жизни, русского мира и русского характера, а вместе с ним и полнее воспринять «лицо России» в живой связи прошлого, настоящего и будущего. Такое направление сегодня представляется весьма актуальным.

Материалами исследования являются мемуарные и художественные произведения известных деятелей русской культуры и науки XIX–XX вв. о нянях. Оно базируется на комплексном подходе, включающем

¹ Здесь и далее выделено нами, кроме специально оговоренных случаев. – Н.Д.

использование биографического, историко-культурного, историко-литературного и феноменологического методов.

Выдающийся деятель отечественной культуры, внук декабриста, князь С.М. Волконский, вспоминая русскую няню, говорил: «Вы не знаете, люди новых поколений, вы не знаете, что это было. Сколько в простоте обычая, сколько в скромности почтенности, в безграмотности какая воспитанность. *Сколько вывела она, русская Няня, из недр народной почвы, сколько вывела наружу родников любви, преданности, мудрости житейской, религиозной стойкости! В поведении таких русских нянюшек обнаруживается высокая одаренность русского народа, связанная с глубокой религиозностью и любовью к человеку, особенно к ребенку...*» [Цит. по: 15, с. 295].

Носительницу света, «религиозной стойкости» видел в своей няне С.Н. Дурьлин. «*Когда же ее зоркий и живой взор погас <...>, – признавался он, – в мире потемнело для нас, и за всю дальнейшую жизнь никто для нас не возобновил этого света*» [8, с. 231]. Эту характеристику можно отнести и к другим «дозорницам» детства. Одна из них – наставница философа, публициста Е.Н. Трубецкого, сердцем своим ощущая эту особенность служения детям, дала такое его толкование: «*Слышали, как нас, няней, за обедней поминают: “И мамы ко Господу”*» [18, с. 321]. Она по-своему восприняла смысл слов Божественной литургии, когда во время анафоры священник возглашает «Горé имеем сердца!», – то есть «Устремим вверх наши сердца!» И хор от лица молящихся отвечает: «Имамы ко Господу» – «Устремлены ко Господу». В своеобразном понимании Федосьей

Степановной текста богослужения заключено удивительно точное определение самого феномена няни: это и мамы от Господа, с Его спасительной силой, и мамы с Господом – любовью Отца Небесного, и мамы, ведущие к Нему!

Они учили детей жить с Богом, стремясь верой просветить и укрепить их сердца. Естественно, что при этом не было каких-то специальных уроков, но сам образ жизни няни, весь ежедневный ее обиход, мысли, слова о Спасителе, напоминание о нем и его заветах органично входили в жизнь детворы, воспитывали ее в «наставлении и учении Господнем» [Еф. 6:4]. Дети же сердцами откликались на заботу и старания своих наставниц, потому что такова особенность детского мироощущения: по мысли святителя Иоанна Кронштадтского, они «*не могут не слушать со святым вниманием слова Христа. Их душа еще слишком близка, слишком родственна “небесным звукам”, чтобы быть к ним холодной*» [1, с. 10].

В мемуарных, художественных произведениях о нянях одним из запомнившихся образов, связанных с ними, стал образ *лампадки*. Он был неременной составляющей мира детской и няниной комнат. Свои переживания дней детства, отмеченные этим образом, поэтически передал поэт Я.П. Полонский:

Любил я тихий свет *лампады* золотой,
Благоговейное вокруг нее молчанье,
И, тайного исполнен ожиданья,
Как часто я, откинув полог свой,
Не спал, на мягкий пух облокотясь рукою,
И думал: в эту ночь хранитель-ангел мой
Придет ли в тишине беседовать со мною?..
И мнилось мне: на ложе, близ меня,
В сиянье *трепетном* *лампадного* огня,
В бледно-серебряном сидел он одеянье...

И тихо, шепотом я поверял ему
И мысли, детскому доступные уму,
И сердцу детскому доступные желанья.
Мне сладок был покой в его лучах.
Я весь проникнут был божественною
 силой...
 [25, с. 291]

Лампадка в православном сознании – символ вечного огня Божией Любви и Веры, отгоняющего силы тьмы. Свяtitель Николай Сербский говорил, что «свет лампадки напоминает нам о том свете, которым Спаситель освещает наши души» [21]. Зажигавшиеся, поддерживаемые нянями лампадки, своим мерцающим огоньком озарявшие ночной мрак детской, рождали в переживаниях детей ощущение присутствия Божьего начала, светлокрылых Ангелов-хранителей, готовность довериться им и самим сберечь ангельскую чистоту. Лампадки утишали и утешали, а в неизменной заботе о них виделась защита всего дома от бед и несчастий.

Запомнился свет этого «символа водительства Божия» [10, с. 550] знаменитому профессору математики С.В. Ковалевской: «В детской полутемно. <...> а в противоположном углу комнаты голубенький, трепещущий огонек лампадки вырисовывает на потолке причудливые узоры и ярко озаряет благословляющую руку Спасителя, рельефно выступающую из посе-ребренной ризы» [18, с. 232]. Лампадки, как и благословение Спасителя, успокаивали, укрепляли веру, дарили надежду на святое заступничество.

О благодатном влиянии Божьего огня с особым сердечным волнением вспоминал и С.Н. Дурылин: «Я лежу, жду. В комнате тихий сумрак. В углу, над няниной постелью, горит лампадка перед образом “Семи спящих отроков”. Огонек мутно и загадочно двоится,

троится, четвертится на густые рубины толстого граненого стекла лампады. Я не свожу глаз с иконы. На ней лежит темный покров старины, но я знаю, я люблю чудесных отроков, изображенных на ней. Лежа, я вспоминаю их таинственную повесть» [8, с. 204]. Чудотворная икона, лампадка, ее освещавшая, вновь и вновь напоминали мальчику о крепости веры «дивных отроков», их готовности принять страдания за Христа, устремляя его чувства к высокому: «Я люблю тихих и мудрых отроков, связанных неразрывной дружбою в жизни, в смерти, по смерти и опять в жизни» [Там же, с. 207].

Детской душе открывалась в образе лампадки сила, способная противостоятъ всякому мраку, всякому злу, сила, с которой не страшно. Такие переживания передала в воспоминаниях «Минувшие дни» актриса П.А. Стрепетова: «А свеча между тем нагорит, в комнате станет темнее... мне делается отчего-то жутко... Проходит минута, другая... в углу все тихо, и я успокаиваюсь, начинаю уже смелее оглядываться вокруг... Внимание мое останавливает теперь лампада – точно звездочка, горит она перед старинным образом Саваофа... Я начинаю вглядываться в образ, и мне чудится, что глаза Саваофа глядят на меня, как живые... Я сижу как вкопанная, пристально-пристально следя за ними... Но вот в комнате посветлело – няня сняла со свечки. Все видения мои исчезли, и я опять смотрю на няню, а она все точно о чем-то думает, что-то вспоминает... И так тихо-тихо кругом нас, так хорошо...» [18, с. 261].

Целостную картину мира детской, согретого нянюшкиной любовью, «золотыми лучиками» лампадки,

поэтически воссоздал А.А. Блок, написавший стихотворение под впечатлением нежного чувства к своей «няне Соньсе»:

Темная, бледно-зеленая
Детская комнатка.
Нянюшка бродит сонная.
«Спи, мое дитяtko».
В углу – лампадка зеленая,
От нее – золотые лучики.
Нянюшка, над постелькой склоненная...
«Дай заверну твои ноженьки, рученьки».
Нянюшка села и задумалась.
Лучики побежали – три лучика.
«Нянюшка, о чем ты задумалась?
Расскажи про святого мученика».
Три лучика. Один тоненький...
«Святой мученик, дитяtko, преставился...
Закрой глазки, мой мальчик сонненький.
Святой мученик от мученья избавился»

[4, с. 208–209]

Лампадка, «точно звездочка», ее «лучики», теплый и мягкий свет, Божественный образ, нянины ласка (не случайно в стихотворении такое обилие слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами), пение, рассказы о тех, кто принял мучения и смерть за веру православную, – все это вошло в детское сознание, в детскую память как благословенные мгновения жизни, счастливые и волнующие одновременно. Они утепляли душу ребенка, наполняя ее светом любви, веры, благодати. Они были во всех смыслах целебными, а в душевном, психологическом особенно.

Образ Отца Небесного как воплощение святости и праведности вошел в жизнь детей и через нянины молитвы, изображения на иконах, перед которыми они читались. Саму атмосферу таких естественных для «былого» жизненных ситуаций, эмоциональное состояние ребенка запечатлел в своем стихотворении поэт А.Н. Плещеев:

И «детскую» нашу я вижу...
В углу с образами киот...
Лампада пред ними... сиянье
Вокруг она тихое лет.
Давно меня спать уложили,
Но я все не сплю и очей
Свести не могу любопытных
С молящейся няни моей.
Крестясь и вздыхая, старушка
Кладет за поклоном поклон...
И много она называла
Мне близких и милых имен.
Вот стала она на колени;
Лицо ее мокро от слез.
«О чем она плачет?» – неволью
Во мне шевелился вопрос.
«Простите мои прегрешенья!» –
Дрожащие шепчут уста...
А я себе думаю: «Чем же
Она прогневила Христа?»

[19, с. 284–285]

Искренняя молитва няни рождала в детской душе раздумья о людских деяниях, собственных поступках, была неким сдерживающим началом, упреждала от недостойного поведения, способного прогневить Господа. С.В. Капнист-Скалон – дочь поэта и драматурга В.В. Капниста – запомнила свою няню с обязательной ранней утренней молитвой: она «...вставала с восхождением солнца, <...> долго молилась перед образом св. мучеников (преподобных) Антония и Феодосия, висевшем в углу нашей комнаты, с усердием и большим умилением клала земные поклоны...». А разбудив детей, одевала, читала с ними «короткую молитву вслух», «которую сама подсказывала», шла с ними на прогулку [18, с. 108]. Другой автор мемуаров – ученый-палеонтолог Н.П. Вишняков – признавался: «Няня научила меня и грамоте, и первым молитвам; с самого раннего возраста я читал на память не только главные молитвы, но и длинный псалом “Помилуй мя, Боже”» [Там же, с. 209]. С молитвой

няни укладывали своих детушек спать, крестили от дурного сна, с нею же провожали в новую жизнь: «На лестничной площадке она поцеловала меня на прощание, – вспоминала балерина Т.П. Карсавина свою Дуняшу, – оросив мои щеки слезами, и три раза перекрестила, бормоча обрывки молитв и взывая к Деве Марии и Николаю Чудотворцу» [18, с. 370].

В суждениях об этих воспитательницах из народа С.Н. Дурылин очень точно указал на их сущность: «У русской няни старого времени было чистое, любящее сердце – православное сердце» [8, с. 209] (курсив Дурылина. – Н.Д.). Он-то и дал в своих трудах наиболее развернутые свидетельства о няниных наставлениях тем, кого они опекали, охраняли святой молитвой: «...я становлюсь на колени в своей кровати и читаю вслух “Богородицу”. Няня беззвучно шепчет молитву вместе со мною и, когда я готов остановиться, затрудняясь в том или ином слове, она усиливает свой шепот до ясных слов:

– Благословенна Ты в женах!..

Я повторяю за нею <...> Я шепчу дальше:

– И благословен плод чрева Твоего.

Я не понимаю еще этих слов – и няня не объясняет мне их, но я знаю, что это – Христос, тот Пресветлый Христос, который с высоты кудрявого облака благословляет на иконе семь отроков, я знаю, что это тот благостный Спаситель, который, пожалев прекрасных отроков, сохранил их от гонителя в темной пещере. И я молюсь Христу и прошу его, чтоб Он также сохранил и меня самого, “младенца Сергея”, как подсказывает мне няня, и моего маленького брата, и папу, и маму, и бабушку, и няню, и старших братьев. И сестер,

и всех, кого я люблю. А любил тогда я всех и не знал, что значит не любить. “Богородица” прочитана. Прочитана и “Отче наш” – с большой помощью няни...» [Там же, с. 207–208].

«Молитва – это возношение ума и сердца к Богу, являемое благоговейным словом человека к Богу» [10, с. 419]. Не сразу происходит такое «возношение» с молящимся, особенно с ребенком, еще только познающим азы православного вероучения. И тут нужен помощник, подвижник, способный побудить дитя к благому. Няня часто и выступала таким помощником, радетелем: подсказывала нужные слова молитвы, помогала их запоминать, произносить не формально заученное, а *сердечное возношение Спасителю*. Знала и понимала такая наставница то необходимое, без чего нет истинного к Нему обращения. О важном в молитве святой праведный отец Иоанн Кронштадский писал: «А Бог хочет именно нашего сердца. *Даждь Ми, сыне, твое сердце*; потому что сердце – главное в человеке. Потому, кто не молится и не служит Богу сердцем, – тот все равно, что вовсе не молится, потому что тогда молится тело его, которое само по себе, без души – тоже, что земля» [12, т. I, с. 5] (курсив автора. – Н.Д.). Сердечному «служению» Господу и учила няня своих любимцев.

Была и еще одна особенность в ее деликатном поучении детей. Осознавая потребность ребенка в понятности произносимых ко Господу слов, их искренности, близости детским переживаниям, находила она такие молитвенные обращения, которые и открывали его сердце для благоговейного чувства. Вспоминая о нянином попечении в дни детства, С.Н. Дурылин

рассказывал: «Те молитвы, что есть в молитвенниках, прочитаны. Но есть еще одна молитва: ее нет ни в одном молитвослове, но я ее знаю твердо всех. Этой молитве научила меня няня. Ее простое, любящее, горячее сердце сложило ее, трепеща за нас, детей, за нашу жизнь, счастье, здоровье. Сейчас я отойду ко сну, останусь один с Ангелом-хранителем – так верю я, так научила меня верить няня. И я молюсь этому Неотступному спутнику моей жизни:

*Ангел мой хранитель!
Сохрани меня и помилуй.
Дай мне сна и покою
И укрепи мои силы.*

Эти слова сложила сама няня, и я произношу их с полной верой, что Ангел меня слышит и исполнит все по просьбе моей» [8, с. 208].

В признании писателя нельзя не ощутить душевного отклика на тепло, ясность слов молитвы и отраженных в ней чувств, идущих от веры няни, нельзя не осознать дар этой простой женщины сделать нужным, своим для ребенка мир Божий, в котором, верил он, всегда есть для него заступники. Размышляя об этой грани личности нянюшки, С.Н. Дурьлин заключал: «Теперь, больше чем через полвека, я вдумываюсь, вслушиваюсь в эти никогда не потухавшие в душе моей слова и в них слышу голос няни, сливавшийся непрерывно с нашими младенческими голосами. В няниной молитве нет ни единого церковнославянского слова, ничего в ней нет от книги, от “Писания”, это простой, непосредственный выдох души. Это – истая молитва няни, болезнующей и радующей о своих выходках, их детскими устами она просит у Ангела-хранителя всего, что нужно ребен-

ку для жизни: сна, покою, растущих сил – всего, о чем сама она заботится день и ночь; и вот, не доверяя своим заботам, своему попечению, берет няня себе в могучие помощники “Ангела Мирна, верна наставника, хранителя душ и телес наших”. Когда няня слагала для нас свою короткую молитву, она, верно, и не думала об этом прошении и просительной ектении, а вот сказало ее, нянино, прошение, вложенное ею в уста детей, совпало с этим прошением “Ангела Мирна”, возносимом церковью за вечерним богослужением» [Там же, с. 208–209].

Что существенно в этих размышлениях автора? Думается, осознание им благодатного совпадения молитвенных голосов няни и детей в их едином устремлении к самой важной жизненной просьбе – «Сохрани меня и помилуй», – которую С.Н. Дурьлин охарактеризовал как «простой, непосредственный выдох души», как раз и выражающий главный смысл детских переживаний. Важно и то, что такой «выдох» отвечал самой сути словесного «возношения» могучим помощникам. «Молитва наша, – наставлял священник Иоанн Кронштадский, – должна быть глубока, искренна, разумна, плодотворна, – изменять наше сердце, направлять волю к добру, отвергающая от зла. Молитва поверхностная есть лицемерие, кощунство, суетная молитва» [12, т. II, с. 194].

Перечисляя те сокровища, которыми следует обогащать ребенка, занимаясь его национальным воспитанием, И.А. Ильин назвал и молитву: «Молитва даст ему духовную гармонию, пусть он переживет ее по-русски. Молитва даст ему источник духовной силы – русской силы. Молитва научит его сосредоточивать чувство и волю

на совершенном – *по-русски*. Молитва даст ему религиозный опыт и поведет его к религиозной очевидности – *по-русски*. Ребенок, научившийся молиться, *сам пойдет в церковь* и станет ее опорой – *русской опорой, русской церкви*. Он найдет пути – и в глубину русской истории, и на простор русского возрождения. Неправославный может быть верным русским патриотом и доблестным русским гражданином, но человек, враждебный Православию, не найдет доступа к священным тайникам русского духа и русского миропонимания, он останется чужеродным в стране, своего рода внутренним “неприятелем” [11, с. 204] (курсив И. Ильина. – Н.Д.). Об искренней, разумной, глубокой молитве детей, способной стать для них источником духовной силы, и пеклась, заботилась русская няня, вознося при этом и свои просьбы к Господу, чтобы уберечь Он ее питомцев, ее «выходков». Как тут не вспомнить пушкинскую «наставницу и врачевательницу “ран сердца”» [24, с. 66] с ее молитвами о том, кого называла она «мой ангел»: «*Я вас буду ожидать и молить Бога, чтоб Он дал нам свидеться... За ваше здоровье я просвиру вынула и молебен отслужила, поживи, дружочик, хорошенько, самому слюбится...*» [Цит. по: 24, с. 124].

Нянино общение с детьми и в обычном течении дня также сопровождалось то просительными, то покаянными, то благодарственными, а то и хвалебными *обращениями ко Господу, напоминанием о нем и его заветах*. Купая деток, приговаривала, вымаливая им здоровья: «*Господи Иисусе, Пресвятая Богородица*» [18, с. 184], потому что знала, воспользуемся строками поэта: «И молитвы пречистое слово / Исцеляет болящую

плоть» [3, с. 217]. А то, подсказывая своим питомцам поведение за столом, наставляла: «Ты, батюшка, окуси сперва хлебца, а потом возьми в рот кушанье... *так Бог велел!* – это было ее всегдашнее поучение» [18, с. 151]. Но могла и сказать иное: «*Бог не велит так делать, не делай этого, грешно!*» [Там же, с. 110]. Уложив ребятишек спать, благословляя их на ночь, шептала: «*Лежите, детушки, спите, роженные, Христос над вами...*» [Там же, с. 185]. Оберегая деток от страха смерти после ранней кончины маленького братца, добрая няня поясняла: «*Господь взял его на небо, там он будет жить с ангелами...*» [Там же, с. 145]. Любившему грозу и получавшему удовольствие от «общения с разъяренными стихиями» воспитаннику внушала: «*Ах, Ты шалун эдакой! Вздумал шутить с Богом, бесстрашный Ты эдакий сорванец*» [Там же, с. 118]. Этого же «сорванца» увещевала, отмаливая одновременно: «*Господь с тобою, голубчик! <...> Да сохрани тебя Бог от всякой нечистой силы! И думать-то грешно об этом...*» И <...> *примется креститься и читать молитву; а потом осенит крестным знаменем и меня...*» [Там же, с. 118].

Интересные свидетельства о своей няне и ее влиянии на «образование» его характера оставил историк и педагог С.М. Соловьев. Отметив *сильную нянину набожность*, он вместе с тем указал и на то, что в ее натуре не было ничего сурового, напротив, «она сохраняла постоянно общительность, веселость, желание занять, повеселить других...» [Там же, с. 138]. Была эта няня заядлой путешественницей. Много повидав и узнав в странствиях «по Великой и Малой России», оказавшись еще и мастерицей в передаче

увиденного, она занимала и просвещала своих питомцев интересными рассказами, увлекательными и любопытными историями. Слушателей при этом впечатляла ее убежденность в существовании Того, по чьей воле и живет человек: «...бывало, – вспоминал С.М. Соловьев, – начнет она рассказывать о каком-нибудь страшном приключении с нею на дороге, о буре на море, о встрече с подозрительными людьми, я в сильном волнении спрашиваю ее: “И Ты это не испугалась, Марьюшка?” – и получаю постоянно в ответ: “А Бог-то, батюшка?”» [18, с. 140]. С глубокой убежденностью звучали эти слова, укрепляя ребенка в Господней воле и Господнем водительстве. С этой няниной верой он вошел в жизнь, в чем и признался: «Если я и родился с религиозным чувством, если в трудных обстоятельствах моей жизни меня поддерживает постоянно надежда на Высшую Силу, то, думаю, что не имею права отвергать и влияние нянькиных слов: “А Бог-то!”» [Там же, с. 140].

Этот вывод совпадает с суждениями других авторов мемуаров о необходимости для детей доходчивых, искренних, душевных бесед, молитв, наставлений, идущих из глубины души православной. Духовно полезной была такая крепость, твердость няниной веры. Как самые истинные богословы ощущали нянюшки и вездесущность Господа, и близкое присутствие его, и осознание своей жизни пред лицом Всевидящего.

Влагая в сердца детей основы православной веры, стремясь освятить их души благодатью Христовой, водили няни своих «выходков» в церковь, заботились «о благолепии стояния» в ней [Там же, с. 321], их духовном очищении и обновлении. У Софьи

Ковалевской одной из первых картин детства в памяти осталась та, где она выходит из храма: «Няня сводит меня за руку с паперти, бережно охраняя меня от толчков. “Не ушибите ребеночка!” – умоляет она поминутно теснящихся вокруг нас людей» [Там же, с. 225]. Важными жизненными событиями были посещения Дома Господня с няней для Н.П. Вишнякова. «Особое удовольствие» виделось ему в том, чтобы «попасть в какую-нибудь новую церковь, еще не виданную... Я любил, – свидетельствовал он, – созерцать новые обстановки, новых священников, новые иконы, по поводу которых няня вдавалась в объяснение, что такое, например, “Троеручица” или “Неувядаемый цвет”, или “Нечаянная радость”» [Там же, с. 210].

Радея о доброй нравственности, няни употребляли немало усилий, чтобы грех не проник в детскую душу, не овладел ею, а потому обращались в своих беседах с детьми и к страницам Священного Писания, и к житиям святых. С их помощью они советовали, подсказывали, убеждали, как стоит жить. Нельзя не вспомнить няню Лизы Калитиной из романа И.С. Тургенева «Дворянское гнездо»: «Бывало, Агафья <...> сидит прямо и вяжет чулок; у ног ее, на маленьком креслице, сидит Лиза и тоже трудится над какой-нибудь работой или, важно поднявши светлые глазки, слушает, что рассказывает ей Агафья; а Агафья рассказывает ей не сказки: мерным и ровным голосом рассказывает она житие Пречистой Девы, житие отшельников, угодников Божиих, святых мучениц; говорит она Лизе, как жили святые в пустынях, как спасались, голод терпели и нужду, – и царей не боялись, Христа исповедовали; как им птицы небесные корм носили

и звери их слушались; как на тех местах, где кровь их падала, цветы выростали. <...> Лиза ее слушала – и образ вездесущего, всезнающего Бога с какой-то сладкой силой втеснялся в ее душу, наполнял ее чистым, благоговейным страхом, а Христос становился ей чем-то близким, знакомым, чуть не родным» [22, с. 235].

Привлекали няню нравственная сторона жизни святых людей, их подвижнические деяния, за примерами к которым она обращалась и в назидание детям: «Вспоминаю, – писала А.К. Черткова, – что она рассказывала о жизни великомученицы Варвары, хоть осталось в памяти только то, что “ее мучители-воины отрезали ей груди, но она не изменила своей вере”. Затем, помнится, что она рассказывала про Василия Блаженного, как он подметал метлой улицы <...> и как он бесстрашно говорил правду царям и боярам, заступаясь за народ» [18, с. 288]. Этой же няне автор мемуаров обязана была «первыми семенами <...> “демократизма” в характере или, вернее, не сознания еще, а чувства братства всех людей» [Там же, с. 295]. Жила няня и со своим выношенным убеждением в том, кто и как удостоится Господнего принятия: «И откроются врата Царства Небесного, и войдут в них перво-наперво нищие, страннички, калеки, убогие... А за ними вослед – мужички-пахари. А потом уж господа-грамотеи и купцы-богатеи... Тут она еще что-то добавляла, – что-то вроде того, что “которые не обижали народ или покаялись...”» [Там же, с. 297]. Своими беседами, примерами, оценками удерживали няни детей от зла, несправедливости, внушая уважительное, добросердечное отношение к простому человеку, его трудам

и дням, святыням и ценностям русского мира.

Нянины наставления, подкрепленные отсылками к образам Священной Библейской истории, все содержание которой, по словам Митрополита Вениамина, можно охарактеризовать словами Ф.М. Достоевского «Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей» [17, с. 7], прочно входили в сознание воспитанников, становясь духовно-нравственными уроками, не забытыми всей последующей жизнью. Многие из них сохранил в своей памяти С.Н. Дурылин: «Во время обеда няня зорко наблюдала за тем, чтоб не рассыпали соль (это к несчастью), но и за тем, чтоб кто-нибудь из нас не вздумал щепотью взять соль из солоницы. Если случался такой грех или, еще хуже, если невзначай обмакнешь кусок хлеба в солоницу, няня укоризненно скажет: – Это Ты что же, милый, Иуду вспомнил? На решительный отказ от желания помнить злого предателя няня возразит: – А как же? Это Иуда обмакнул хлеб в солоницу. И покачет с укором головой. Очень хорошо знали мы также, что, сидя, не следует класть нога на ногу: так сам Сатана сидит на троне в аду, а на коленке у него – тот же Иуда-предатель с кошельком с 30-ю серебряниками. И это Иудино сиденье – на колене у князя бесовского, как впоследствии оказалось, няня не выдумала: так пишется сей темный князь, ласкающий предателя, на древних иконах Страшного Суда». Уроки детской хранительницы не прошли для детей даром. «Няня, – по признанию С.Н. Дурылина, – достигала своего: болтать ногами, сидеть, заложив нога на ногу, тыкать куском хлеба в солонку – всего этого мы боялись,

как греха, и это с детства усвоенное воздержание обратилось впоследствии в добрые навыки житейского обихода» [8, с. 213–214].

Вот так, молитвой, добрыми советами, «крестом своих рук ограждая» детскую жизнь от разных напастей, побуждая питомцев к благому, и служили русские няни. «Ты сначала ребенку благодать покажи – Дух Свят, а потом уж – аргутан, сиссистабель», – увещевала одна из них гувернантку, на свой лад произнося те ее обидные слова (противный, отвратительный), что она посылала вдогонку убежавшим от нее ребятишкам [18, с. 318]. Показать «Дух Свят» – обратиться к Богу, помочь вырасти духовно, принять Божью истину и довериться ей. Сердечное участие, забота в любви, а не брань и оскорбления нужны растущему человеку, – этому завету следовали «кормилицы» сами и других наставляли.

Необходимость, важность раннего приобщения детей к духовной жизни, значимость в человеческой судьбе искреннего, а не формального, сокровенного, а не поверхностного пути к вере осознали многие из тех, кого они пестовали. Вдохновенные строки об этом написал Н.П. Вишняков. Размышляя о пережитом в ранние годы, в том числе и о влиянии няни, он восклицал: «Золотые сны моего детства! Вспоминаю вас с умилением и по временам отдаюсь сладкой думе о чудных образах, розовых грезах и райских картинах, которые рисовало мое воображение. Они и были возможны только в детском возрасте. <...> Таковы и первые представления, связанные с зарождением религиозного чувства, источника первой поэтической космогонии. Оно бесцен-

но, как элемент развития для детской души, наивно и доверчиво глядящей в мир, склонной видеть во всем одно добро, открытой для бесконечной любви. Как надо оберегать это святое чувство в молодых головках!.. Слишком рано приходит пора колебаний и сомнений... Но и тогда в самой измученной и несчастной душе останется заветный уголок, где будет теплиться воспоминание о когда-то прозвучавших живо торжественных аккордах. И счастливы те, кто слышал когда-нибудь эту небесную гармонию. Какое это утешение среди житейских бурь и бесконечных разочарований!..» [Там же, с. 208–209].

Отмечая ни с чем не сравнимое в формировании живого религиозного чувства ребенка влияние представительниц народной педагогики, умевших любовью и незамутненной верой своей затронуть самые тонкие струны детской души и заставить их зазвучать, С.Н. Дурцын писал: «Русской няне должно быть место не только в “Истории русской литературы”, но и в истории русского православия: то, что няня нашептала в детской, было прочнее того, чему научил батюшка на “Законе Божиим” и что начитал профессор богословия в университете. Няня всегда была мудрее Филарета, и ее неписанный катехизис крепче его знаменитого, “рассмотренного и одобренного Святым Синодом”» [7, с. 494]. Вероятно, такая убежденность и позволила автору этих строк прийти к заключению: «Самые великие русские богословы были няни. Только их богословие, несомненно, глубоко, целомудренно в слове и утешительно в деле» [Там же, с. 351].

Есть ставшее расхожим сравнение взрослого в его отношении к ребенку

с работой садовника, помогающего растению жить, крепнуть, развиваться, наполняться красотой, создающего необходимые условия для этого. Такой образ, бесспорно, не лишен смысла. По отношению к няне он особенно справедлив, ибо ее ежедневный и постоянный уход за детьми, обеспечение их не только хлебом насущным, но и хлебом духовным, светом любви, добра, веры, нравственными уроками, «небесной гармонией» являлось той благодатно возделанной почвой, на которой они вырастали, которая питала, поддерживала их и потом на тернистых жизненных дорогах. Знакомы, нет ли были они

с пожеланием Иоанна Златоуста о том, как надо к детям относиться, но выполняли его, ибо так подсказывала им их душа православная: «...прошу и умоляю оказывать многое промышление о своих детях и всюду искать спасения души их. <...> Представляй, что у тебя в доме золотые статуи – дети; каждый день исправляй и осматривай их тщателью и всеми мерами украшай и устрой их душу...» [9]. «Устроением» детской души, как свидетельствуют мемуарные и художественные источники, и занималась русская няня, окружая своих питомцев любовью и мудрой заботой, воспитывая их в вере православной.

Библиографический список

1. Азбука православного воспитания: сборник / ред. Н.А. Ильичева. М., 1997.
2. Апология русской няни: к 250-летию Арины Родионовны / сост. М.Д. Филин. М., 2009.
3. Ахматова А.А. Сочинения: В 2 т. Т. 1. Стихотворения и поэмы. М., 1990.
4. Блок А.А. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 1. М., 1971.
5. Дворяшина Н.А. Образ няни в мемуарных и художественных произведениях отечественной словесности: голос, слово, речь // Литература в школе. 2021. № 1. С. 22–36.
6. Дворяшина Н.А. «И откуда что брала»: народная поэзия в репертуаре русской няни // Литература в школе. 2021. № 4. С. 9–23.
7. Дурылин С.Н. В своем углу. М., 2006.
8. Дурылин С.Н. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 1. М., 2014.
9. Златоуст Иоанн, святитель. Творения. URL: <https://www.rulit.me/books/tvoreniya-tom-3-kniqa-1-read-42134-91.html> (дата обращения: 09.12.2020).
10. Иллюстрированная полная популярная библейская энциклопедия. М., 2000.
11. Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 1. М., 1996.
12. Кронштадский Иоанн, священник. Моя жизнь во Христе или минуты духовного отрешения и созерцания, благоговейного чувства, душевного исправления и покоя в Боге: В 2 т. СПб.; Минск, 1991.
13. Кудряшова А.А. Документальное и художественное начала в русской автобиографической прозе: галерея семейных образов и наставников. М.; Ярославль, 2013.
14. Лесков А.Н. Жизнь Николая Лескова: По его личным, семейным и несемейным записям и памяткам: В 2 т. Т. 1. М., 1984.
15. Лосский Н.О. Условия абсолютного добра: Основы этики. Характер русского народа. М., 1991.
16. Мелия М.И. Главный секрет первого года жизни. М., 2015.
17. Митрополит Вениамин (Пушкаръ). Священная Библейская история. СПб., 2015.
18. Няня. Кто нянчил русских гениев / сост. В.Н. Тороповой. М., 2017.
19. Плещеев А.Н. Стихотворения. М., 1975.
20. Поселянин Е. Русская няня // Филин М. Арина Родионовна. М., 2008. С. 193–200.
21. Сербский Николай, святитель. Миссионерские письма. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=314998&p=1> (дата обращения: 09.12.2020).

22. Тургенев И.С. Собрание сочинений: В 12 т. Т. 2. М., 1976.
23. Торопова В.Н. От составителя // Няня. Кто нянчил русских гениев. М., 2017. С. 10–14.
24. Филин М.Д. Арина Родионовна. М., 2008.
25. Час молитвы: Библейские мотивы в русской поэзии / ред. коллегия: Е.В. Витковский, М.Л. Гаспаров и др. М., 2001.

References

1. Azbuka pravoslavnogo vospitaniya [The alphabet of Orthodox education]. Digest. N.A. Ilyicheva (ed.). Moscow, 1997.
2. Apologiya russkoj nyani: k 250-letiyu Ariny Rodionovny [Russian nanny's apology: to the 250 anniversary of Arina Rodionovna]. M.D. Filin (ed.). Moscow, 2009.
3. Akhmatova A.A. Sochineniya. V 2 t. [Works in 2 vols.]. Vol. 1. Poetry and poems. Moscow, 1990.
4. Blok A.A. Sbranie sochineniy. V 6 t. [Collection of works in 6 vols.]. Vol. 1. Moscow, 1971.
5. Dvoryashina N.A. The image of a nanny in memoirs and works of art of Russian literature: Voice, word, speech. *Literature at School*. 2021. No. 1. Pp. 22–36. (In Rus.)
6. Dvoryashina N.A. “And where did she get it from”: Folk poetry in the repertoire of the Russian nanny. *Literature at School*. 2021. No. 4. Pp. 9–23. (In Rus.)
7. Durylin S.N. V svoem uglu [In your corner]. Moscow, 2006.
8. Durylin S.N. Sbranie sochineniy. V 3 t. [Collection of works in 3 vols.]. Vol. 1. Moscow, 2014.
9. Zlatoust Ioann, svyatitel. Tvoreniya [Zlatoust Ioann. Creations]. URL: <https://www.rulit.me/looks/tvoreniya-tom-3-kniqa-1-read-42134-91.html> (In Rus.)
10. Illyustrirovannaya polnaya populyarnaya biblejskaya enciklopediya [Illustrated complete popular Bible encyclopedia]. Moscow, 2000.
11. Iliyn I.A. Sbranie sochineniy. V 10 t. [Collection of works in 10 vols.]. Vol. 1. Moscow, 1996.
12. Kronshadskij Ioann, svyashhennik. Moya zhizn vo Khriste ili minuty duhovnogo otrezveniya i sozerczaniya, blagogovejnogo chuvstva, dushevnoho ispravleniya i pokoya v Boge [My life in Christ or moments of spiritual sobriety and contemplation, reverent feeling, spiritual correction and peace in God]. In 2 vols. St. Petersburg; Minsk, 1991. (In Rus.)
13. Kudryashova A.A. Dokumentalnoe i khudozhestvennoe nachala v russkoj avtobiograficheskoy proze: galereya semejnyh obrazov i nastavnikov [Documentary and artistic origins in Russian autobiographical prose: A gallery of family images and mentors]. Moscow; Yaroslavl, 2013.
14. Leskov A.N. Zhizn Nikolaya Leskova: po ego lichnym, semejnym i nesemejnym zapisyam i pamyatyam. V 2 t. [The life of Nikolai Leskov: According to his personal, family and non-family records and memories]. In 2 vols. Vol. 1. Moscow, 1984.
15. Lossky N.O. Usloviya absoljutnogo dobra: Osnovy etiki. Kharakter russkogo naroda [Conditions of absolute goodness: Fundamentals of ethics. The character of the Russian people]. Moscow, 1991.
16. Meliya M.I. Glavnij sekret pervogo goda zhizni [The main secret of the first year of life]. Moscow, 2015.
17. Mitropolit Veniamin (Pushkar). Svyashhennaya Biblejskaya istoriya [Holy Bible History]. St. Petersburg, 2015. (In Rus.)
18. Nyanya. Kto nyanchil russkix geniev [Nanny. Who nursed Russian geniuses]. V.N. Toropova (ed). Moscow, 2017.
19. Plescheev A.N. Stikhotvoreniya [Poetry]. Moscow, 1975.
20. Poselyanin E. Russian nanny. *Filin M. Arina Rodionovna*. Moscow, 2008. Pp. 193–200.
21. Serbskiy Nikolay, svyatitel. Missionerskie pisma [Serbskiy Nikolay, saint. Missionary letters. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=314998&p=1> (In Rus.)
22. Turgenev I.S. Sbranie sochineniy. V 12 t. [Collection of works in 12 vols.]. Vol. 2. Moscow, 1976. (In Rus.)

23. Toropova V.N. From the compiler. *Nyanya. Kto nyanchil russkix geniev*. Moscow, 2017. Pp. 10–14.
24. Filin M.D. Arina Rodionovna [Arina Rodionovna]. Moscow, 2008.
25. Chas molitvy: Biblejskie motivy v russkoj poezii [Prayer hour: Biblical motives in Russian poetry]. E.V. Vitkovsky, M.L. Gasparov (eds.). Moscow, 2001.

Статья поступила в редакцию 10.06.2021, принята к публикации 25.08.2021
The article was received on 10.06.2021, accepted for publication 25.08.2021

Сведения об авторе / About the author

Дворяшина Нина Алексеевна – доктор филологических наук, доцент; главный научный сотрудник лаборатории литературоведческих и лингвистических исследований, Сургутский государственный педагогический университет

Nina A. Dvoryashina – ScD in Philology, Associate Professor; Chief Research Fellow at the Laboratory of Literary and Linguistic Studies, Surgut State Pedagogical University

E-mail: dvoryashin@bk.ru